
VE RI
TAS
ПРАВИЛА
ГАРВАРДА
18+
А. М. ВЭНС

А. М. Вэнс

Правила Гарварда

«Автор»
2026

Вэнс А.

Правила Гарварда / А. Вэнс — «Автор», 2026

Идеальный сосед. Идеальное алиби. Идеальное преступление.Переезжая в тихий городок Мейпл-Холлоу, Клэр Беннетт искала покоя — а нашла Джулиана Вэнса. Обаятельный выпускник Гарварда, наследник старинного особняка, он читает классику на веранде, сдержанно улыбается и кажется единственным по-настоящему добрым человеком в городе.Но у идеального фасада есть трещины. В гостиной особняка пахнет хлоркой и пеплом, тысячи книг в его роскошной библиотеке ни разу не открывали, а пожилая соседка, задавшая слишком много вопросов о семье Вэнс, погибает при загадочных обстоятельствах.Клэр уже впустила Джулиана в свою жизнь. И слишком поздно поймёт: у выпускника Гарварда есть свои правила — и ни один лишний свидетель в них не вписывается.

© Вэнс А., 2026
© Автор, 2026

А. М. Вэнс
Правила Гарварда

Глава 1

Первое, что я узнала о Мейпл-Холлоу: здесь никто не таскает свои коробки сам.

Я поняла это около четырёх часов дня, застряв в дверях нового дома с картонной коробкой «КУХНЯ – ХРУПКОЕ», прижатой к груди. В двух домах от меня стоял грузовик, а трое мужчин в одинаковых поло выгружали диван, который наверняка стоил дороже моего университетского образования. На другой стороне улицы женщина в белом льне поливала гортензии с осанкой человека, которому никто и никогда не говорил «нет».

А я арендовала фургон, уговорила двоюродного брата помочь ровно на три часа, и он бросил меня в ту же минуту, как узнал, что начинается футбольный матч.

— Ты справишься, Клэр, — пробормотала я и пнула входную дверь ногой, чтобы открыть шире.

Дом был маленький. «Скромный» — так назвала его риелтор с улыбкой, которая означала «жалкий». Но он был мой. По крайней мере, на двенадцать месяцев, по договору, который я подписала дрожащей рукой, когда мой счёт в банке съёжился до размеров напёрстка. Две спальни. Кривое крыльцо. Кухня с окном, выходящим на клён, который уже начал медного оттенка осенний наряд.

Здесь было тихо. Именно этого я хотела больше всего. После последних двух лет моей жизни тишина казалась роскошью, которую я наконец могла себе позволить.

Я поставила коробку на стол и прижала ладони к пояснице. Каждая мышца в моём теле имела собственное мнение об этом переезде, и ни одно не было положительным. Я встала в пять утра. Три часа вела машину, пристегнув к пассажирскому сиденью спатифиллум. На обед у меня были полбатончика мюсли и горсть чёрствых крендельков.

И тут заиграла музыка.

Сначала это был низкий гул, скорее вибрация, чем звук, словно сердцебиение под половицами. Я нахмурилась и посмотрела на телефон. 16:47. Пятница. Ладно. Конечно. Пусть.

А потом бас ударил по-настоящему, и кухонное окно задребезжало в раме.

Я вышла на крыльцо — и вот он, этот дом.

Я заметила его ещё когда подъезжала, так замечаешь собор, когда ищешь часовню. Он стоял в конце тупика за кованой оградой: три этажа светлого камня, высокие окна, опоясывающая веранда и круговая подъездная дорожка, на которой стояло больше спортивных машин, чем я могла сосчитать. В саду журчал фонтан. Между деревьями кто-то развесил гирлянды.

Это был дом, в котором, казалось, никогда не случалось ничего плохого.

Все окна горели, и сквозь них было видно движущиеся тела. Крики. Смех. Красный стаканчик вылетел с балкона второго этажа, прокрутился в золотистом предвечернем воздухе и разбил дорогой на вид цветочный горшок. Раздался такой рёв, будто кто-то забил гол.

— Прекрасно, — сказала я в пустоту.

Я знала таких парней. Не этих конкретно, но этот тип. Четыре года в колледже научили меня узнавать их через всю комнату: громкий смех, бейсболки козырьком назад, ленивая самоуверенность тех, кого никогда не заставляли ждать. Те, кто перебивает тебя на лекции. Те, кто говорит «расслабься, это шутка», когда это не шутка. Те, кто смотрит на девушку как на меню и решает, хочется ли им сегодня есть.

Я встречалась с одним из них. Мне потребовался год, чтобы перестать извиняться за то, в чём не было моей вины.

Так что нет. С меня хватит самоуверенных парней. Хватит их обаяния, их одеколона и их «о, ты же новенькая, да?». Я переехала на тихую улицу в тихом городке именно для того, чтобы ужинать хлопьями в пижаме и чтобы меня оставили в полном, блаженном одиночестве.

Я вернулась к грузовику и взяла ещё одну коробку. Потом ещё одну. Солнце опускалось ниже. Музыка продолжала греметь, и где-то на четвёртой ходке парень на лужайке особняка стянул с себя футболку и с визгом бросился в фонтан, а друзья завыли от восторга.

Я закатила глаза так сильно, что стало больно.

На пятой ходке я увидела его.

Я чуть не пропустила его. Он был не в шуме и не в свете. Он сидел в стороне, на дальнем конце огромной веранды, там, где сияние вечеринки растворялось в тени. Сидел на верхней ступеньке, прислонившись спиной к белой колонне и вытянув одну длинную ногу.

И читал.

Не листал ленту. Не писал сообщения. *Читал* — настоящую книгу с потрёпанным корешком и обложкой, мягкой от времени на углах. На шее висели наушники, но они не играли. Словно он надел их для защиты, а потом решил, что она ему не нужна.

Я остановилась. Я не собиралась этого делать. Тело всё решило само.

Он был одет просто, и это бросилось в глаза первым делом. Серый свитер с закатанными до локтей рукавами. Тёмные джинсы. Обычные кеды, стёртые на носках. В доме, полном фирменных вещей и сверкающих часов, он выглядел как человек, забредший сюда из другой истории и слишком вежливый, чтобы уйти.

Тёмные волосы падали ему на лоб, и время от времени он убирал их двумя пальцами, не поднимая глаз. Плечи расслаблены. Лицо спокойное, почти безмятежное, совершенно равнодушное к хаосу, бушующему в десяти метрах за его спиной. Где-то внутри кто-то заходился хохотом. Разбилось стекло. Бас сотрясал стены.

Он перевернул страницу.

Я переложила коробку в руках, внезапно осознав, как нелепо выгляжу: застыла посреди газона, как женщина, забывшая, зачем вышла из дома.

Кто ты? — подумала я.

Потому что он не вписывался. Не вписывался ни в этот дом, ни в этих друзей, ни в громкий, золотой, беспечный мир у себя за спиной. Он принадлежал тишине. Принадлежал теням на краю веранды. Он казался единственным спокойным предметом посреди бури, и я не могла отвести взгляд.

Забавно, что запоминается. Спустя годы я всё ещё могла бы рассказать, как пахло тем вечером: скошенной травой, дымом очага и, едва уловимо, чьим-то разлитым пивом. Могла бы описать точный оттенок оранжевого света, дрожь кленовых листьев над головой, тонкий, жестяной звук динамика с выкрученным слишком высоко басом.

Могла бы сказать, что я стояла там гораздо дольше, чем следует стоять рядом с незнакомцем.

А потом, словно услышав мои мысли, он поднял глаза.

Его взгляд нашёл мой через лужайку, через живую изгородь, через пропасть между его миром и моим. Глаза были тёмные и задумчивые, и секунду он просто смотрел на меня так, как смотрят на то, чего не ожидали найти и не уверены, что имеют право оставить себе.

У меня перехватило дыхание.

Мне следовало отвести взгляд. Любой нормальный человек так бы и сделал. Вместо этого мы продолжали смотреть друг на друга — одну секунду, потом две, — пока вечеринка гремела без нас.

Потом уголок его рта дрогнул. Это не была ухмылка или игра на публику. Улыбка вышла маленькой и чуть застенчивой, как дверь, приоткрывшаяся на несколько сантиметров. Он поднял руку от книги в едва заметном приветствии.

Моё сердце сделало что-то глупое.

Я улыбнулась в ответ. Не смогла удержаться. Улыбка вырвалась сама, тёплая и беззащитная, и впервые за весь день я совсем не чувствовала усталости.

Затем изнутри особняка раздался крик, он оглянулся через плечо, и мгновение рассыпалось. Когда он снова повернулся ко мне, то коротко кивнул на прощание и вернулся к книге.

Я простояла ещё немного, с ноющими руками и пульсом, стучащим в рёбра.

Прекрати, — сказала я себе. *Ты только что зареклась от парней. Прошло четыре часа.*

Но я поднялась с коробкой по кривым ступенькам своего маленького дома и обернулась один раз, всего один, прежде чем войти.

Он всё ещё сидел там, в свете лампы, с книгой. Такой спокойный. Такой безобидный.

Единственная тихая вещь во всём этом доме.

Помню, я подумала, как мне повезло.

Я и не подозревала, что музыка гремела вовсе не для того, чтобы заглушить шум вечеринки.

Она гремела, чтобы заглушить кое-что другое.

Глава 2

Часть первая: Шесть дней назад

Пепел терпелив. Вот чего никто не говорит.

Тебе кажется, что ты всё убрал, но стоит повернуть голову, и свет из высоких окон выхватывает на камне тонкую серую плёнку, мягкую, как пудра, забившуюся в каждый шов. Я окунаю щётку в ведро. Тру небольшими ровными кругами. Споласкиваю. Начинаю заново.

Камин такой огромный, что в нём можно стоять в полный рост. Маргарет Вэнс построила его в 1987 году, если верить латунной табличке на каминной полке, и, должно быть, очень им гордилась, потому что табличка отполирована до блеска. Я провожу по ней большим пальцем. Она всё ещё почему-то тёплая.

Позади меня расхаживает Трент.

— Пахнет, — говорит он. — Джулиан, оно *пахнет*. Ты что, не чувствуешь?

— Открой ещё одно окно.

— Я открыл все окна.

— Тогда открой их снова.

Он не двигается. Трент ростом метр девяносто и сложен как футбольный защитник, но сейчас он похож на мальчишку, которого застали на улице после комендантского часа. Руки не находят себе места. Тянутся к волосам, к карманам, ко рту. Каждые несколько секунд его взгляд соскальзывает в сторону коридора, где на спинке стула всё ещё висит кардиган Маргарет, будто она просто вышла поискать очки.

— Нам надо уезжать, — говорит Лео с дивана. Он не прекращает трясти коленом с самого утра. — Берём наличные и уходим. Сегодня же. К утру можем быть в Мексике...

— Мы не едем в Мексику.

Я говорю это мягко. Я всегда говорю мягко. Именно поэтому они слушают.

— Мы живём здесь, — продолжаю я, отжимая щётку. — Помните? Мы купили этот дом. Мы унаследовали его от доброй тётушки. Трое университетских друзей, которым наконец повезло. Такова история, и она работает, только если мы остаёмся.

Никто не отвечает. Они никогда не отвечают, когда я говорю этим голосом.

Я поворачиваюсь обратно к камню. Тереть, споласкивать, повторять. Где-то внутри меня есть спокойное, ровное место, как гладь озера на рассвете, и я знаю: пока я остаюсь там, я могу всё. Могу позвонить в банк. Могу поставить подпись, которая мне не принадлежит. Могу стоять на коленях на холодном полу в гостиной мёртвой женщины и думать только о структуре камня.

Шесть дней назад этот камин горел одиннадцать часов.

Я помню, потому что считал. Лео плакал. Трента рвало в гостевой ванной. Они думали, что всё будет быстро. Думали, как в кино. Но я читал об этом, как читаю обо всём, и знал, что это займёт всю ночь, знал, что проблемой станет дым, и знал, что понадобится хлорка. Много хлорки.

Планировать было моей работой. Паниковать было их.

— Она что-нибудь сказала? — вдруг спрашивает Лео, тихо и надтреснуто. — Перед тем как... Ты думаешь, она понимала?

Я не оборачиваюсь.

— Не надо.

— Я просто всё время думаю...

— *Не надо.*

Слова вышли резче, чем я рассчитывал. В комнате становится тихо. Я вдыхаю, выдыхаю и снова нахожу спокойствие.

— Завтра, — говорю я уже мягче, — мы устроим вечеринку.

Трент издаёт короткий, дикий, недоверчивый смешок.

— *Вечеринку?*

— Громкая музыка. Незнакомые люди. Машины у подъезда. Никто не присматривается к дому, где празднуют. Присматриваются только к тихим. — Я улыбаюсь, и я знаю, как это выглядит, потому что репетировал. — А шум скроет всё остальное.

Я в последний раз отжимаю щётку, и по стенке ведра стекает тонкая серая струйка.

Пепел терпелив. Но и я тоже.

Часть вторая: Сейчас

Пятница, полдень, и дом кричит.

Музыка раскачивает люстры. Кто-то выбросил стаканчик с балкона, и толпа взревела, как на финальном голе. Сорок незнакомцев в моей гостиной пьют вино Маргарет и проливают его на ковры Маргарет, и ни один из них не знает, чей это дом.

В этом вся прелесть. Вечеринка не задаёт вопросов.

Горит каждая свеча, работает каждый ароматизатор, и под всем этим, если знаешь, где принюхаться, всё ещё слышится слабый, упрямый призрак дыма и хлорки. Неделя уборки не убила его до конца. Поэтому мы его заглушаем. Духи, одеколон, пролитое пиво, ароматические свечи. Шум поверх шума.

Наверху, за запертой дверью кабинета, Лео сидит за столом Маргарет с её ноутбуком и в её очках для чтения, которые он зачем-то настаивает надевать. Он опустошает её счета маленькими аккуратными переводами, как я его учил. Две тысячи здесь. Четыре тысячи там. Ничего, что вызовет тревогу.

Внизу Трент играет «хозяина», слишком громко смеётся и слишком щедро наливает. У него это хорошо получается. Это единственное, что у него хорошо получается.

А я?

Я тихий.

Я останавливаюсь в холле и смотрю на себя в позолоченное зеркало. Тёмные волосы, чуть растрёпанные. Усталые глаза. Серый свитер, мягкий и слегка поношенный, купленный именно для этого. Простые джинсы. Простые кеды. Я закатываю рукава до локтей, потому что так выгляжу моложе. Безобиднее. Расслабляю плечи. Опускаю взгляд на полсантиметра.

Вот и он. Джулиан, двадцать три года. Выпускник Гарварда. Вежливый, застенчивый, немного растерянный. Тот, кто извиняется, когда кто-то толкнёт *его*.

Я ношу его так долго, что иногда забываю: это костюм.

Я беру с библиотечной полки первую попавшуюся книгу, не глядя на название. «Большие надежды», как выясняется. Кожаный переплёт, потёртый в нужных местах. Я так и не дочитал

её. Мне и не нужно. Книга — лучший реквизит на свете: человеку достаточно одного взгляда, чтобы решить, что ты не можешь быть опасен.

Я выскальзываю через боковую дверь, наушники на шее, и выхожу на веранду.

Воздух прохладный, после жара стольких тел это облегчение. Солнце опустилось низко и позолотило всё вокруг. Я нахожу своё обычное место на дальнем конце опоясывающей веранды, где свет редеет и никто не бродит, сажусь на верхнюю ступеньку, спиной к колонне. Открываю книгу на случайной странице.

Потом смотрю на улицу.

Это старая привычка. Знай территорию. Знай соседей. Женщина через дорогу со своими гортензиями. Пожилая пара двумя домами дальше. Грузовик с мебелью.

И девушка.

Она рядом, у маленького дома с кривым крыльцом, и несёт картонную коробку почти с себя размером. Миниатюрная, тёмные волосы собраны в узел, который уже разваливается; видно, что она возится так не первый час. Она останавливается у подножия ступенек, чтобы перевести дух, сдувает прядь с лица и что-то бормочет себе под нос.

Не знаю почему, но я улыбаюсь.

Потом она делает то, что меня удивляет. Смотрит на особняк, на полуголого парня, с визгом несущегося к фонтану, и *закатывает глаза*. Всем телом закатывает глаза, с усталым отвращением.

Её это не впечатляет. Ни дом, ни деньги, ничто из этого.

Я опускаю книгу на пару сантиметров.

Каждый, кто видит этот дом, видит одно и то же: богатство, власть, место, которого стоит желать. Они хотят попасть внутрь или хотят стать такими, как мы. Я видел это сотни раз.

Она просто хочет тишины.

Любопытно.

Я изучаю её так, как изучаю всё: спокойно, тщательно. Как она двигается. Как подхватывает коробку бедром. Складочку между бровей, усталость в плечах, то, что у неё, похоже, нет никого, кто мог бы помочь с вещами. Она одна. Совсем новенькая. Её здесь ещё никто не знает.

И я вдруг понимаю, с неожиданным, ярким трепетом, что хочу знать о ней всё.

Это на меня не похоже. Я планирую. Я рассчитываю. Маргарет была планом, дом был планом, вечеринка — план. Я ничего не *хочу*. Я беру, когда расчёт говорит, что пора.

Но пока я сижу здесь, притворяясь, будто читаю, я уже строю: как узнаю её имя, расписание, любимый кофе. Как окажусь рядом, когда у неё не заведётся машина. Каким буду добрым, мягким, *надёжным*. Девушка, которая закатывает глаза на парней вроде тех, что сейчас в моём доме, как раз из тех, кто влюбляется в того, кто на них не похож.

Ей место в моей новой жизни. Я решаю это вот так, как решают оставить себе камешек, найденный на пляже.

Она останавливается.

Она смотрит на меня.

Я делаю лицо мягким, немного любопытным, немного потерянным и встречаю её взгляд через лужайку. Глаза карие, широко раскрытые, удивлённые, и она не отводит их. За моей спиной бас сотрясает стены. Где-то внутри открыто окно, и запах дыма тянется наружу, а она ничего не подозревает.

Одна секунда. Две.

Я позволяю уголку рта приподняться, застенчиво и едва заметно: улыбка, которую я годами репетировал перед зеркалом. Потом поднимаю руку от книги в крошечном неловком приветствии, как мальчик, не уверенный, можно ли ему.

Она улыбается в ответ.

Это самое тёплое, что я видел за всю неделю.

Я киваю, опускаю глаза в книгу и слушаю, как музыка продолжает греметь, а мои руки совершенно спокойны. Они всегда спокойны.

Привет, Клэр, думаю я, хотя ещё не знаю её имени. Скоро узнаю.

Тебя будет так легко полюбить.

Глава 3

Вечеринка закончилась почти в четыре утра. Я знаю это точно, потому что смотрела, как час за часом сменяются цифры на телефоне, лёжа поверх нераспакованных коробок. Подушку я прижимала к голове, а бас бился в стены моей новой жизни.

Поэтому, когда утром я выбралась из дома за почтой, вид у меня был как у женщины, проигравшей драку картонной коробке. Волосы собраны в узел. Необъятная толстовка. Один носок.

Мейпл-Холлоу, напротив, выглядел как открытка. Небо было бледно-голубым, газоны подстрижены с миллиметровой точностью, воздух пах свежескошенной травой и деньгами. Все почтовые ящики на Элдер-лейн были одинаковые, глянцево-чёрные, на белых столбиках. Я прожила здесь меньше двух суток и всё ещё ждала, что кто-нибудь скажет мне, что я перепутала адрес.

Я открыла ящик. Внутри лежала одна-единственная листовка с рекламой чистки водостоков и приветственная открытка от товарищества собственников, напоминающая, что мусорные баки должны быть убраны с улицы до девяти утра.

— Вы новенькая.

Я подпрыгнула так, что выронила открытку.

В конце моей подъездной дорожки стояла женщина. Ей было лет восемьдесят, она была крошечной и закутанной в лавандовый кардиган, застёгнутый до самого подбородка. Белые волосы лежали идеальными кудельками, а бледные глаза, острые, как осколки стекла, уже ощупывали меня с головы до ног.

— Клэр, — сказала я, наклоняясь за открыткой. — Клэр Беннетт. Я только что въехала в дом номер двенадцать.

— Элеонора Гейбл. Дом номер девять. — Руки она не протянула. — Я знаю, кто вы. Бывший дом Хендерсонов. Они продали его за бесценок, знаете ли. Любой, у кого есть голова на плечах, подождал бы.

— А. Ну, мне досталась хорошая цена, так что я рада, что они не стали ждать.

Её губы сжались, будто я подтвердила то, о чём она давно подозревала.

— Хорошо спали?

— Не очень.

— Нет, — сказала миссис Гейбл. — Не думаю, что вам это удалось. — Она подцепила меня под руку своей тонкой рукой с на удивление крепкой хваткой. — Пройдёмся, дорогая.

Это не было просьбой. Не успела я опомниться, как мы уже шли по тротуару в сторону особняка: её тапочки шаркали, мой единственный носок впитывал росу с травы.

— Двадцать два года этот дом стоял тихим, — сказала она, понизив голос, будто само здание могло подслушать. — Маргарет Вэнс держится особняком. Всегда держалась. Никаких вечеринок. Никаких гостей, кроме садовника по четвергам. А потом вчера грузовик с мебелью. Потом музыка. Потом мальчишки. *Шумные* мальчишки, Клэр. Не меньше дюжины, и я пересчитала машины.

— Я слышала, — сказала я. — Боюсь, возмещения за барабанные перепонки мне не видать.

Она не рассмеялась. У меня сложилось ощущение, что миссис Гейбл не смеётся ни над чем, если только это не чужая беда.

Мы дошли до кованых железных ворот. При дневном свете особняк казался ещё огромнее, чем накануне вечером: три этажа бледного камня, чёрные ставни и плющ, ползущий по стенам, словно пытающийся сбежать. По газону были разбросаны красные пластиковые стаканчики. В клумбе валялась на боку бутылка из-под шампанского. На подъездной аллее, небрежно, под разными углами, стояли чёрный «Порше» и вишнёвый «Феррари», которые, наверное, стоили дороже всей улицы, на которой я выросла.

— Позор, — прошептала миссис Гейбл. — Совершеннейший позор.

И именно в этот момент открылась входная дверь.

На крыльцо вышел молодой человек, и я на секунду забыла и про стаканчики, и про машины, и про свой недостающий носок.

Я узнала его сразу. Это был тот самый тихий парень с прошлого вечера, которого я мельком увидела у окна на втором этаже, пока остальные выли и плескались в бассейне, как стая гиен. При дневном свете он выглядел ещё эффектнее, но как-то ненавязчиво. Высокий, поджарый, тёмные волосы падают на лоб. На нём была простая белая рубашка с закатанными до локтей рукавами и выцветшие джинсы. Никаких кричащих часов. Никаких золотых цепей. Ничто в нём не вопило: «У меня есть „Феррари"».

Под мышкой он держал книгу. Настоящую, в твёрдом переплёте, с тканевым корешком, потёртым от времени до мягкости. Я наклонила голову, чтобы прочесть название. *«Портрет Дориана Грея»*.

Он спустился по ступенькам и пошёл по каменной дорожке к воротам, и я увидела, как он заметил нас. Его взгляд скользнул от миссис Гейбл ко мне, и он улыбнулся. Не ухмылкой, не широкой улыбкой. Маленькой, застенчивой улыбкой, как у мальчика, которого застали за добрым делом и который смущён тем, что кто-то это увидел.

Миссис Гейбл не улыбнулась в ответ.

— Молодой человек. — Её голос рассёк лужайку, как бумага рассекает кожу. — Кто вы такой и где Маргарет Вэнс?

Я невольно поморщилась. *Господи, миссис Гейбл.*

Но он даже не дрогнул. Он остановился у ворот, положил одну руку на железные прутья и тихо, почти виновато рассмеялся.

— Миссис Гейбл, верно? — сказал он. Голос у него был негромкий, низкий, слегка охрипший, будто он тоже не спал. — Мама мне о вас рассказывала. Сказала, что вы будете первой, кто постучится, и чтобы я был с вами любезен.

Глаза миссис Гейбл сузились.

— Ваша мама.

— Джулиан Вэнс. — Он протянул руку сквозь прутья, и, к моему изумлению, она её пожала, хотя держала так, как держат дохлую рыбу. — Маргарет моя мама. Простите за шум прошлой ночью. Правда. Мои друзья немного увлеклись. Мне следовало предупредить соседей.

— Маргарет никогда не упоминала о сыне.

— Она бы и не стала. — Он снова застенчиво улыбнулся и опустил взгляд на свои ботинки. — Я учился. В Гарварде. Закончил, кстати, месяц назад.

— В Гарварде, — повторила миссис Гейбл, как будто слово было ей незнакомо на вкус.

— Мама всегда говорила, что не нужно хвастаться. — Он провёл рукой по волосам, слегка смутившись. — В общем, она уже много лет планировала поездку в Европу. Когда я закончил учёбу, она вручила мне ключи от дома и сказала наслаждаться. Машины тоже были частью подарка на выпускной. — Он поморщился. — Я знаю, как это звучит. Честно говоря, мне хватило бы и часов. Но вы же знаете маму. Она ничего не делает вполсилы.

Я стояла, приросшая к тротуару, и вдруг поняла, что улыбаюсь как идиотка.

У меня было достаточно парней, которые превратили бы эту фразу в круг почёта. Был Бретт, упомянувший свой трастовый фонд в первые десять минут нашего первого свидания. Был Чейз, дважды поправивший произношение официанта. Был аспирант, который целый ужин рассказывал о своём среднем балле. Они заполняли собой любую комнату, в которую входили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.